

УДК 802.0

СПОСОБЫ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ИНАКОСТИ

© 2013 Е.Ю. Кислякова

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Поступила в редакцию 13 февраля 2012 г.

Аннотация: Целью данного исследования является описание англоязычных грамматических средств, объективирующих категорию инакости как категорию лингвистики. Вербализация категории инакости грамматическими средствами английского языка происходит в концептуальной взаимосвязи с категорией Другой.

Ключевые слова: языковая категория, грамматические способы, концептуальная метонимия, прямое цитирование, косвенное цитирование, не прямое цитирование, синтаксические конструкции клефтинга, языковые структуры сослагательного наклонения, двойственная предикация.

Abstract: The aim of this study is to present English language grammar means that express the notion of otherness as a linguistic category. The grammar means of manifesting the category of otherness are conceptually interrelated with the notion "somebody/something else".

Key-words: linguistic category, grammar means, conceptual metonymy, direct speech, indirect speech, "speech within speech", cleft-sentences, subjunctive mood patterns, dual predication.

Данная статья посвящена лингвистическому анализу и описанию англоязычных грамматических форм репрезентации инакости как категории языка. Эта категория метафорически выражает когнитивные состояния определенного типа, доминантные ментальными представлениями о понятийной сфере «иного».

При структурировании концептуального каркаса категории инакости выделяется еще одна базовая категория «другого», в рамках и посредством которой осуществляется языковая рефлексия проблемы «иного». Обе категории сосуществуют во взаимореференциальном смысловом континууме, что, в свое время, позволило прийти к философскому осмыслению инакости как универсальной категории в терминах проблемы Другого [1]. Широта и сложность исследуемой категории обусловили необходимость обращения к исследовательскому инструменту, известному как «концептуальная метонимия». Под метонимией имеется в виду референциальный способ понимания, когда одна сущность используется для представления другой, связанной с ней в реальной действительности [2]. Кроме этого, суть метонимии лежит в возможности устанавливать связь между сущностями, сосуществующими в пределах некой единой концептуальной структуры [3]. В таком более широком понимании метонимия уже не про-

сто выполняет референциальную (отсылающую) функцию, а становится одним из фундаментальных процессов развития значения, расширения категории и динамической концептуализации [4]. В рамках проводимого исследования феномен концептуальной метонимии рассматривается как когнитивный механизм переноса фокуса внимания с одного компонента сложного концепта на другой. В этом случае «концептуальная метонимия» как инструмент анализа позволяет выявить и объяснить многочисленные связи и переходы внутри целостных структур категорий Иной и Другой.

Рассматриваемые в работе категории могут быть классифицированы как выделенные ранее в науке «эгоцентрические категории» [5]. Лингвофилософский аспект последних вытекает из признания ощущения и осознания своего внутреннего индивидуального «Я» в качестве одной из важнейших концептуальных констант европейской культуры и европейской ментальности, «сложившейся как равноденствующая целого комплекса различных исторических факторов и культурных влияний» [6, 114]. Кроме этого, анализируемые категории связаны с феноменом расщепления говорящего, представленным в виде декомпозиции говорящего на семантическом и синтаксическом уровнях. В результате научного обобщения данного феномена сложились теория цитации, косвенной, прямой и «непрямой речи» (там же). Всякое ци-

тирование есть не что иное, как одновременное понимание реальности другого в реальности себя. Это первый шаг рефлексии, отражающий наше осознание близости иного, чужого, что явствует из нижеприведенного примера:

'Would you like to press the button for our floor, the top floor...?' she asks. Matthew remains silent. Lily waits politely, then presses the button for floor five and the doors to the lift slide creakily shut.

No crows gathering. No gangs with knives, no welcoming party of any kind, not even a net-curtain twitching. Lily smiles meaninglessly at her son, a habit she has developed of late, handy to disguise the fact that she is studying him; his celery-coloured woolen hat pulled low to his eyes, which in the sharp artificial strip-light inside the lift are two dark, contracting points, deeply suspicious (Dawson).

Во втором абзаце, несмотря на формальные признаки повествования от третьего лица (например, главная героиня Лили остается объектом-референтом автора), с помощью эллиптических конструкций, являющихся признаками разговорного стиля, слышен другой голос, голос самой Лили, которая, вероятно, не без цинизма цитирует свою «предрассудительную» мать, испытывавшую глубокие переживания в связи с переездом дочери и внука в Лондон. При этом в antecedенте не прямой цитаты вербализация опасений могла быть более эмотивной, а в самой цитате — только ключевые слова и фразы (например, *gangs with knives* — бандиты с ножами). Также в описании мальчика имеются признаки непрямого цитирования внутренней речи главной героини, например, употребление неформальной, разговорной лексики *handy (подручный)* и оценочных прилагательных *sharp, suspicious (резкий, подозрительный)*. Это заставляет задуматься, не сама ли героиня замечает и вербально фиксирует все нюансы своего поведения (*smiles meaninglessly... to disguise the fact that she is studying him — бессмысленно улыбается..., чтобы скрыть тот факт, что она его изучает*) и, тем самым, подчеркивает свои индивидуальные особенности [7]. Автору удастся описать Лили так, будто бы она видит саму себя со стороны.

М. Льюнг объясняет суть феномена расщепленного эго (split ego) как изменение точки зрения: «Говорящий видит себя не с обычной эпистемологической точки зрения, а как другой человек» [8, 52], рефлексивный над самим собой, своими ментальными состояниями, оценивающий себя со стороны. Как указывает Г. Зиммель, взаимоотношения двух субъектов можно перенести на самого индивида благодаря «способности нашего ума противопоставлять себя самому себе и рассматривать себя как кого-либо другого» (курсив мой. — Е. К.) и таким

образом превращать неявное знание в явное, то есть переводить «самосознание в рефлексивную» [цит. по: 9, 259]. Грамматически рефлексивное апеллирование к иному «Я» оформляется в структурах сослагательного наклонения. Рассмотрим следующий пример:

'You will never know how much it meant to me, Father, that you came to the hospital so quickly. Christina's parents arrived later that evening. They were magnificent. He begged for my forgiveness — begged for my forgiveness. It could never have happened, he kept repeating, if he hadn't been so stupid and prejudiced' (Archer).

Процитированный отрывок иллюстрирует встречу главного героя Бенжамина с родителями своей возлюбленной, Кристины, которые на протяжении многих лет препятствовали браку своей дочери с человеком другой национальности. После смерти Кристины произошло примирение Бенжамина с родителями жены благодаря их искреннему раскаянию и сожалению по поводу своего прежнего отношения к молодым супругам. Отец Кристины выражает самокритику посредством языковой модели

S1 + could have done, if + S2 + had (not) been
(It could never have happened, if he hadn't been so stupid and prejudiced).

(Это никогда бы не произошло, если бы он не был таким глупым и «предрассудительным»).

Данная модель является вторым типом нереальных сослагательных конструкций и она доминантна значением «сожаление», реализуемым с помощью двойной актуализации смыслов «этот, здешний, действительный» (движимое эмоциями, ситуативно обусловленное «Я», мой реальный объективный мир) и «иной, метафизический» (благоразумное, рефлексивное «Я», мой нереальный, но более совершенный мир). Другое «Я» при этом представлено в деперсонифицированной форме, не столько как реальность, сколько как возможность.

Категория инакости концептуально сопряжена с категорией возможного, основным механизмом реализации которой является деконструкция, опирающаяся на различия и стремящаяся уничтожить самость в субстанциональном плане (бытие, идею, феномен) [10]. Если сущее и должное выражается с помощью изъявительного и повелительного наклонений, то языковая манифестация возможных миров осуществляется посредством сослагательного наклонения, представленного первым типом нереальных сослагательных конструкций. Например:

If Romanov were still in Switzerland, Scott might still be alive (Archer).

Конструкции такого типа являются вербализованным результатом моделирования вооб-

ражаемой ситуации, реальность которой либо маловероятна, либо абсолютно невозможна. Применение форм прошедшего времени усиливает прагматический эффект отдаленности и отличия воображаемого от действительности.

Исследователь Т.И. Семенова выделяет особые высказывания, которые характеризуются модусом кажимости [11]. В грамматических терминах данные высказывания представляют собой синтаксические конструкции с глаголами-связками, обозначающими чувственное восприятие: *look, appear, seem*, имеющие способность принимать в качестве актанта местоимение первого лица, выступающего в роли подлежащего, например, *I seem to be right* (*Кажется, я прав*). Подобные конструкции наделены прагматическим эффектом, поскольку на синтаксическом уровне в качестве наблюдаемого объекта субъект речи выделяет во внешнем мире самого себя, хотя прототипически он не может становиться в позицию наблюдателя по отношению к самому себе, следовательно, такие обороты речи, как приведенный в примере, свидетельствуют о концептуализированном «раздвоении» целостного «Я» на Эго-субъективное и объективное и опредмеченного синтаксическими средствами языка. При этом сохраняется тождественность обеих ипостасей «Я» в референтном плане.

Ретроспективные контексты с употреблением видо-временных форм Past Simple и Present Perfect являются еще одним языковым средством манифестации феномена когнитивного «расщепления» говорящего на «Я-субъект» и «Я-объект». Это также обусловлено рефлексивным характером ситуации «возвращения назад», когда говорящий как бы «расслаивается» на два временных среза, что позволяет ему сослаться на себя в прошлом как на другое лицо. Рассмотрим следующий пример:

*'Did you mean what you said in the police station?
About me being a useless father?'*
'Oh, I dunno. Not really.'
'Because I know I haven't been great.'
'No. Not great' (Hornby).

Приведенный текстовый фрагмент из романа Ника Хорнби является кульминационным моментом в контексте-покаянии отца перед сыном за упущенные возможности и нереализованные силы в воспитании своего ребенка. Осознающее «Я», субъект ментального действия, выраженный эпистемической пропозицией *I know* (*я знаю*), осуществляет оценочную деятельность по отношению к «Я в прошлом», к субъекту опыта, выраженному экзистенциально-оценочной пропозицией *I haven't been great (as a father)* (*Я был плохим (отцом)*).

Особый случай представляет собой синтаксическая конструкция *used to*, имплицитно семантизирующая признак «иногo, другoгo» посредством грамматического значения “repeated actions in the past **which no longer happen**”. Употребление данной конструкции всегда предполагает отсутствие акционального, бытийного или перцептивного опыта в настоящем, который имел место в прошлом, что маркировано инфинитивом или инфинитивным оборотом, согласующимся с *used to*:

We used to have to say 'I will pray to God to forgive your sins' (Spark).

Данный пример иллюстрирует переход в иное бытийное измерение современного британского человека, когда религиозные ценности утрачиваются и меняется вербальное поведение.

Таким образом, основными способами грамматикализации категории инакости в английском языке выступают синтаксические конструкции, являющиеся средствами оформления цитирования (прямого, косвенного и непрямого), языковые структуры сослагательного наклонения первого и второго нереального типов, синтаксические обороты с двойственной предикацией для актанта первого лица, свидетельствующие о когнитивном «расщеплении» говорящего, а также употребление разных видо-временных форм в рамках одного контекста.

Резюмируя, следует особо подчеркнуть, что анализ способов вербализации категории инакости грамматическими средствами английского языка осуществляется в терминах концептуальной взаимообусловленности категорий Иной и Другой. Следовательно, описанные англоязычные способы не являются полностью исчерпывающими, поскольку категория Иной может также вступать в метонимические связи с категорией отличия (неподобия). Данный аспект составляет перспективу нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Малахов В.С. Парадоксы мультикультурализма / В.С. Малахов. – Иностранная литература. – 1997. – № 11. – С. 171–174.
2. Lakoff George and Mark Johnson. Metaphors we live by / George Lakoff. – Chicago : University of Chicago, 1980.
3. Taylor John. Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistic Theory / John Taylor. – Oxford : Clarendon Press, 1989.
4. Макарова Е.А. Лингвистические аспекты взаимосвязи категории *experience* с категорией *knowledge* в современном английском языке / Е.А. Макарова. – Иркутский гос. лингв. ун-т. – Иркутск, 2008.
5. Падучева Е.В. Говорящий: субъект речи и субъект сознания / Е.В. Падучева // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991.
6. Баранов А.Н. Заметки о дескать и мол / А.Н. Баранов

// Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 114-124.

7. Magpie by Jill Dawson. A commentary with annotations / Edited by Karen Hewitt. – Perm, 2008.

8. Ljung M. Reflections on the English Progressive / M. Ljung // Gothenburg Studies in English. – 1980. – Vol. 46. – P. 48-127.

9. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание / В.А. Лекторский. – М. : Наука, 1980.

10. Кутырев В.А. Философия иного, или Небытийный смысл трансмодернизма / В.А. Кутырев // Вопросы философии. – 2005. – № 12. – С. 3-19.

11. Семенова Т.И. Методологический статус другого и его роль в концептуализации внутренней сферы человека / Т.И. Семенова // Этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография. – Иркутск : ИГЛУ, 2008. – С. 169-185.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Кислякова Евгения Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка института иностранных языков,

E-mail: kisjen@rambler.ru

Volgograd State Social Pedagogical University

Kislyakova Evgenia Yurievna, associate professor at the English language department of the institute of modern languages,

E-mail: kisjen@rambler.ru